

М.И. Никола

**ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ О СВОЕМ ПУТЕШЕСТВИИ В РОССИЮ
(на материале дневника писателя 1867 года)**

Рассматривается материал дневника, который вел английский писатель Льюис Кэрролл во время путешествия по России в 1867 году вместе со своим другом и коллегой Генри Линдоном. Друзей связывали общие интересы любви к природе, искусству, путешествиям. Содержание дневниковых записей позволяет проследить маршрут друзей. Он включал Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород. Особое место в путешествии занимало посещение соборов и монастырей, встречи с авторитетными представителями русской церкви. Данное обстоятельство связано с тем, что, будучи лицами духовного звания, они старались внести свой вклад в установление связей между англиканской и русской церковью.

Л. Кэрролла интересовали также другие сферы русской жизни, в частности он посещает музеи, театры Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода, совершает поездки в Петергоф, Кронштадт, Новый Иерусалим, знакомится с русской деревней.

Дневник содержит высокую оценку художественных коллекций русских музеев, восхищается архитектурой городов и соборов, игрой русских актеров. Английский писатель делится своими впечатлениями от встреч с людьми, восприятием традиций и уклада русской жизни. Особенно привлекают его внимание образы русских детей. Кэрролл сочувствует участи ребенка, страдающего от болезни и бедности, посещает дом для сирот в Москве.

Наблюдения автора и его оценки становятся ценным источником для понимания его личности. Они свидетельствуют о его гуманности, доброжелательности, искреннем интересе к чужой культуре, умении передать свои впечатления в выразительной художественной манере.

Льюис Кэрролл, дневник 1867 года, путешествие по России, мотивы путешествия, впечатления, оценки.

2015-й год объявлен Годом языка и литературы Великобритании и России. В свете такой направленности особенно интересно выбрать материал, связанный с взаимной рецепцией обеих культур. Поэтому мы остановили наш выбор на книге Льюиса Кэрролла «Дневник путешествия в Россию в 1867 году», вышедшую на русском языке сравнительно недавно, в 2014 году, переведенную и подготовленную к изданию Ниной Михайловной Демуровой, известным литературоведом-англистом, исследователем творчества Льюиса Кэрролла, переводчицей обеих книг писателя об Алисе¹.

Чарльз Лютвидж Доджсон, больше известный по своему литературному псевдониму как Льюис Кэрролл (1832–1898), автор «Приключений Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье», будучи еще достаточно молодым человеком, в возрасте 35 лет, провел месяц в России. Ко времени этого путешествия Кэрролл был автором первой книги об Алисе, и его слава как автора приключений Алисы была еще впереди, но книга уже была благосклонно принята английским читателем. На деньги от первого издания «Алисы...» Кэрролл отправился в далекое путешествие (заметим, что «Алиса» ко времени русского путешествия Льюиса на русский язык еще не была переведена)².

На протяжении всего времени нахождения в России Л. Кэрролл вел дневник, отражавший путевые впечатления. Для русского читателя такие дневниковые заметки ученого-математика, человека тонкого, наблюдательного, наделенного живым воображением, представляют заметный интерес. Вместе с тем этот дневник сравнительно поздно увидел свет, поскольку автор при жизни его к печатанию не готовил.

Маршрут путешествия Льюиса Кэрролла включал Москву, Санкт-Петербург и Нижний Новгород. Кроме того, писатель дважды посетил Троице-Сергиеву лавру и Новоиерусалимский монастырь, а будучи в Петербурге, съездил в Кронштадт и осмотрел Петергоф.

---

¹ Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году / пер. с англ., коммент. и предисл. Н.М. Демуровой. М.: Студия 4+4, 2014. Далее цитаты даются по этому изданию в тексте статьи с указанием в круглых скобках номеров страниц.

² Первый перевод «Приключений Алисы в Стране Чудес» появится в России в 1879 году.

Свое путешествие Л. Кэрролл совершал в обществе друга и коллеги Генри Парри Лиддона, который был инициатором этого путешествия. Лиддон, имевший сан священника, ехал в Россию с рекомендательными письмами к высшим представителям Православной церкви и для встречи с ними. Он принадлежал к тем кругам священников англиканской церкви, которые всерьез рассматривали возможные перспективы воссоединения Восточной и Западной христианских церквей. Несомненно, друзья этот вопрос обсуждали и были настроены к подобной задаче благожелательно. Неудивительно поэтому, что Кэрролл и Лиддон во время пребывания в России много времени провели в соборах и монастырях, во встречах с духовными лицами. В частности, они удостоились приема Филарета, митрополита Московского и Коломенского, одного из наиболее авторитетных церковных деятелей того времени, епископа Леонида и др. Заметим, что сам Кэрролл, став стипендиатом колледжа Крайст-Чёрч Оксфордского университета, избрал для себя математику, но, согласно древнему статуту университета, как стипендиат, он должен был иметь и духовное звание. Однако Кэрролл по целому ряду причин принял посвящение лишь в первый, предварительный сан англиканской церкви — сан диакона, то есть младшего священника.

Первый город, который увидели путешественники по прибытии в Россию, был Санкт-Петербург, который поразил путешественников прежде всего своим простором и размахом: «величавый город», «расстояния здесь огромные; кажется, будто идешь по городу великанов» (с. 43). Такие первые впечатления фиксирует Кэрролл в своем дневнике. Друзья много ходят пешком. Прошли весь Невский проспект. В глазах Кэрролла — это одна из самых прекрасных улиц в мире. Она заканчивается самой большой, как ему представляется, площадью в мире — площадью Адмиралтейства. Интересно воспринимает Кэрролл скульптуру Медного всадника, выполненного Фальконе, которую он сравнивает с многочисленными скульптурами в немецких городах, изображавшими обыкновенно сражение героя с каким-нибудь животным, при этом он усматривал в них выражение немецкого агрессивного духа. В Медном же всаднике Льюис увидел выражение русской мощи. Конь взвился на дыбы, а вокруг его задних ног обвилась змея, которую он, не глядя, попирает. «Если бы этот памятник стоял в Берлине, Петр, несомненно, был бы занят непосредственным убийством этого монстра, — замечает Кэрролл, но тут он на него даже не смотрит: очевидно, «убийственный принцип здесь не признаются» (с. 41). Впечатлили его и два каменных льва, до того миролюбивые, что «оба, словно котят, катят перед собой огромные шары» (с. 41). Петербург, прежде всего, открылся Кэрроллу как город искусств, город-музей.

Величественные дворцы, скульптурное убранство дворцов, площадей, парков, богатейшая коллекция Эрмитажа: «составить ее стоило таких сумм, которые трудно себе даже представить» (с. 44). Так пишет Кэрролл, называя «бесценным собранием» картины, включающие живопись Рафаэля, Тициана, Мурильо и др. Надо заметить, что целый ряд картин, увиденных Кэрроллом, например «Мадонна Альба» Рафаэля, которая больше всего впечатлила Кэрролла, мы уже, увы, не можем увидеть в Эрмитаже. Немногие, наверное, знают, что в начале 1930-х годов в страдающем от голода и нехватки средств молодом Советском государстве было принято решение продать часть картин Эрмитажа, чтобы закупить продовольствие. «Мадонна Альба», в частности, была продана за рекордную по тем временам сумму в 1 166 400 долларов и сейчас хранится в Национальной галерее Вашингтона.

Однако на месте остался Петергоф, знакомый многим современным путешественникам. В свое время он буквально потряс Кэрролла разнообразием красот и совершенством сочетания природы и искусства. Кэрролл сравнивает увиденное с Потсдамским дворцом и парком Сан-Суси, решительно отдавая преимущество Петергофу по роскоши, вкусу, ошеломляющему разнообразию. Не могу даже приблизительно описать то, что мы видели, замечает Кэрролл. И все-таки описывает и как живописно, с какими выразительными сравнениями! «Здесь мы любовались гладкой пеленой водопада, ниспадающего с широких каменных ступеней; тут — длинной аллеей, сбегаящей под сводом вьющихся растений вниз по лестницам и склонам; там — огромным камнем, обтесанным в форме гигантской головы с лицом и глазами, загадочными, как у кроткого сфинкса...; а дальше — фонтаном, до того искусно устроенном из поставленных кругами трубок, что по мере приближения к центру вода в каждом из них взлетает все выше, образуя цельную пирамиду из сверкающих струй; а ниже — мелькающей в лесной просеке лужайкой, усыпанной алыми геранями, напоминающими огромную ветку коралла...» (с. 46). Кэрролл был так взволнован и потрясен всем увиденным, что, по его признанию, в последующую затем ночь в поезде на пути в Москву не мог уснуть. Стоя в конце вагона на открытой площадке с поручнем и навесом, он вспоминал увиденное и любовался открывающимися просторами до тех пор, пока взгляд его еще мог что-нибудь различить.

Кэрролл и Лиддон по прибытии в Москву постарались увидеть город, как им советовали, прежде всего, сверху — с вершины Воробьевых гор. Открывшуюся панораму города Кэрролл описал как город «белых и зеленых кровель, конических башен, выдвигающихся одна из другой, словно в подзорной трубе, город золоченых куполов, где, словно в кривом зеркале, отражаются картины городской жизни; город церквей, которые снаружи похожи на кактусы с разноцветными отростками (одни венчают зеленые почки, другие — голубые, третьи — красные с белым), а внутри все увешано иконами и лампадами...» (с. 48). Кэрролл с большим интересом воспринял церковную службу в православных храмах. Особенно его впечатлили церковное пение, православные иконы и фресковая живопись. Он обратил внимание на то, как истово молятся прихожане, хотя служба нередко бывает долгой и люди в храме не сидят, как это бывает в Англии. Впечатлила Льюиса Кэрролла и такая деталь: люди, проходя мимо храма, поворачивались к нему, «почти все снимали шапки, кланялись и часто крестились» (с. 38). Такое зрелище среди уличной толпы было для англичан непривычным выражением религиозных чувств.

Отечественному читателю, безусловно, интересно: проявил ли Льюис Кэрролл, как детский писатель, интерес к детям России, к общению с ними? В дневнике его путешествий содержится ряд интересных свидетельств на эту тему. Так, Кэрролл вместе со своим другом Лиддоном выразили желание посетить в Москве воспитательный дом. Московский воспитательный дом представлял собой приют для незаконнорожденных детей и детей бедняков, который был основан по Указу Екатерины II в 1763 году. Детей здесь учили грамоте и ремеслам. Когда англичане посетили заведение (напомню, что это было начало августа), старших детей там не было, им сообщили, что на лето их вывезли в деревню. В доме были одни малыши, вид которых произвел на Кэрролла самое благоприятное впечатление. Они «были чистенькими, ухоженными и веселыми» (с. 82).

Но внимание Кэрролла во время путешествия нередко фиксировало и другие, более печальные картины. Так, описывая посещение Петропавловской крепости и собор апостолов Петра и Павла 30 июля 1867 года, писатель делает в дневнике следующую запись, безусловно свидетельствующую о его сердечном сочувствии страдающему человеку, особенно если это страдание связано с судьбой ребенка: «По всему храму — множество икон с горящими перед ними свечами и ящиками для пожертвований. Я видел, как одна бедная женщина с больным ребенком на руках подошла к изображению святого Петра; она вручила монетку стоящему у дверей солдату, который опустил ее в ящик, потом долго крестилась и кланялась, тихонько приговаривая что-то, чтобы успокоить бедного малыша. По ее исхудавшему, измученному лицу было видно: она твердо верит в то, что таким способом убедит св. Петра помочь ее ребенку» (с. 43).

Когда Кэрролл с Лиддоном проезжали мимо деревень в Новый Иерусалим, им очень хотелось побывать в крестьянской избе. Им подсказали, что удобным образом это можно сделать, если путешественники останутся и попросят у хозяев молока и хлеба. Так они и сделали. Отказа не было. Молоко и черный хлеб показались англичанам очень вкусными, а крестьянская изба больше всего поразила Кэрролла обилием детей в семье (6 мальчиков и одна девочка). Очень жаль было Кэрроллу, что не было с ним фотоаппарата, чтобы запечатлеть их живые, подвижные лица в интерьере крестьянской избы. Кэрролл серьезно увлекался фотографией, но фотографические средства того времени были весьма громоздкими, чтобы возить их с собой. Однако Кэрролл был еще и рисовальщиком, поэтому попросил разрешения зарисовать детей, что ему было разрешено.

Однако подобного рода ситуации не всегда складывались гладко. Так, увлекающийся фотографией Кэрролл посетил в Москве так называемую «артистическую фотографию», одно из наиболее авторитетных московских фотоателье тех лет, чтобы познакомиться с мастерством московских фотографов. Осматривая фотографии, Кэрролл остановил свой взгляд на фотографии маленькой девочки, которую захотел купить и попросил хозяина наклеить фотографию на паспорт, обещая зайти через несколько дней. Когда же он через несколько дней явился, то хозяин фотографии, извинившись, отказал ему в покупке, сославшись на то, что его просьба не понравилась отцу девочки. Кэрролл смиренно выслушал это и ушел, все-таки на всякий случай оставив свое имя и адрес гостиницы, где остановился. Через несколько дней в гостинице его навестил фотограф, который сообщил, что отец девочки, князь Голицын, изменил свое мнение и передал Льюису фотографию. Заметим, что и у себя на родине Кэрролл, увлекающийся фотографией, очень любил фотографировать и рисовать именно детей, у него была богатая коллекция фотографий детей, лица которых он находил для себя особенно интересными и выразительными.

Дневниковые записи, сделанные Льюисом Кэрроллом в России, позволяют нам также отметить присущее писателю чувство юмора. Вот, к примеру, он наблюдает церемонию «русского венчания». Венцы, которые должно нести над головами новобрачных, велики и тяжелы. Венец, надетый на голову жениха, сползает ему на лицо. Женский убор головы невесты, шадя ее, несут над ее головой. Но невысокому дружке невесты это удастся с трудом, и все сочувственно следят за его движениями, отчего торжественная церемония начинает приобретать несколько гротескный характер.

Или вот как Льюис описывает ситуацию, разыгравшуюся в ресторане гостиницы «Смирновской» в Нижнем Новгороде: «...обеда, мы привлекли внимание 6 или 7 официантов; выстроившись в ряд в своих подпоясанных белых рубашках и белых штанах, они сосредоточенно глядели на сборище странных созданий, которые кормились у них на глазах... Время от времени их охватывали угрызения совести — ведь они пренебрегали своей великой официальной миссией, — и тогда все разом кидались к большому ящику в конце зала, в котором, судя по всему, не было ничего, кроме вилок и ложек. Если мы спрашивали чего-то, они сначала с тревогой смотрели друг на друга, а затем, выяснив, кто из них лучше понял заказ, следовали его примеру, что вновь приводило их к большому ящику в конце зала...». Что касается самой еды, то она вызывает у наших путешественников, как правило, наилучшие похвалы: «еда там была очень хороша» (с. 59).

Надо сказать, что ситуации, связанные с языковыми трудностями, у путешественников возникали довольно часто. Словарь, имеющийся под рукой, а также разговорник не всегда спасали положение. Кэрролл отметил, что людей, знающих европейские языки, в России гораздо меньше, чем в Европе. В основном это люди дворянского круга или церковного звания. Среди деловых людей или obsługi знание иностранного языка — редкость. Иногда из-за языковой ситуации, замечает Кэрролл, мы чувствовали себя беспомощными, как Робинзон на необитаемом острове.

Один из таких забавных эпизодов описан в дневниковой записи от 22 августа. Кэрролл и его друг обедали в доме у одного из своих соотечественников — мистера МакСуинни. После обеда друзья отправились гулять, и только потом друг Кэрролла Лиддон вспомнил, что оставил в гостях пальто, поскольку день оказался жарким. Друзья вернулись в дом, когда хозяина уже не было. Пришлось объясняться с прислугой. «Мы оказались в трудном положении», — пишет Кэрролл. «Лиддон начал с того, что стал ей показывать на свой сюртук — он жестикулировал и даже приспускал сюртук с плеч. К нашему восторгу, она, казалось, его поняла — вышла из комнаты и через минуту вернулась... с большой одежной щеткой в руках. В ответ Лиддон предпринял более энергичную попытку — снял сюртук и, положив его к ее ногам, стал указывать вниз (давая понять, что предмет его вожделений находится в нижних областях дома), а потом заулыбался, демонстрируя радость и благодарность, с которым он получит пальто, и надел сюртук. Снова простое, но выразительное лицо юной особы осветилось догадкой — на этот раз она отсутствовала гораздо дольше и, возвратившись с двумя подушками, стала, к нашему ужасу, стелить на диване постель — она не сомневалась, что именно об этом просит ее немой господин» (с. 91). В итоге спас ситуацию Кэрролл. Он нарисовал, как Лиддон в одном сюртуке берет из рук добродушного русского крестьянина второй сюртук, побольше (в дневнике он воспроизвел этот рисунок). Таким весьма примечательным является описанный с юмором финал этой ситуации: с камешком в свой огород, без упреков и высокомерных замечаний — в чужой. «Язык иероглифов, — заключает Л. Кэрролл, — имел успех там, где остальные попытки потерпели поражение, и мы возвратились в Петербург, с грустью сознавая, что в культурном отношении мы пали сейчас до уровня древней Ниневии» (с. 91).

В Дневнике Кэрролла мы не найдем примет цивилизаторского дискурса, обычно свойственного англичанам, представляющим себя выходцами из более цивилизованной страны. Отношение к чужестранцам представляется Лиддону очень благожелательным, особенно если учесть, как недавно закончились события Крымской войны, в которой Англия и Россия были противниками.

В России Кэрроллу все интересно, многое нравится. Достается разве что дорогам и изредка комфорту гостиниц (где в номере может вдруг не оказаться воды для умывания или полотенца и т.д.). «Правда, попросишь, и принесут, весьма охотно», — уточняет он. В одной из первых записей о Москве английский писатель замечал: мостовые изрезаны ухабами, словно вспаханное поле, а извозчики требуют, чтобы им надбавили 30 процентов, «потому как сегодня Императрица — именинница». Что же касается загородного тракта, то путь в Новый Иерусалим Кэрролл описывает как настоящее испытание: «...ехали 14 миль по дороге, хуже которой я в жизни не

видывал. Она была вся в рытвинах, непролазной грязи и ухабах; мостами служили неотесанные бревна, кое-как скрепленные между собой... Хотя в тарантас были впряжены 3 лошади, понадобилось почти 3 часа, чтобы преодолеть это расстояние» (с. 77).

Разумеется, не легче оказался и путь в Нижний Новгород. На пути туда и обратно в поезде Кэрроллу пришлось спать на полу. В одном месте всем пришлось выйти из вагона и идти пешком через реку по пешеходному мосту под дождем, потому что железнодорожный мост смыло наводнением. Но пишет об этом Кэрролл с завидным смирением. Цель путешественников была — увидеть проходящую там Нижегородскую ярмарку. И она стояла, по мнению Кэрролла, трудностей пути. «Ярмарка — чудесное место», — пишет он в своем дневнике (с. 59). Здесь он увидел многонациональную Россию, обилие ее торговых контактов. Люди в самых невероятных одеждах, с разнообразием лиц поразили путешественников гораздо больше, чем товары. В Нижнем Новгороде впервые увидел Кэрролл татарскую мечеть, услышал призыв муэдзина к вечерней молитве, так его поразивший: «Начало каждого предложения произносилось монотонной скороговоркой, а по мере приближения к концу голос служителя поднимался все выше, пока не заканчивался долгим пронзительным воплем, который так заунывно звучал в тишине, что сердце холодило; ночью его можно было бы принять за крик феи-плакальщицы, пророчащей беду» (с. 60–61).

Интересны и впечатления писателя от Нижегородского театра. Кэрролл очень любил театр. В Москве он побывал в Малом театре. Но именно Нижегородский театр («более простого здания я не видел, единственным украшением внутри были побеленные стены») больше впечатлил Кэрролла, прежде всего, конечно, актерской игрой. Особенно ему понравились два спектакля: пьеса-бурлеск «Волшебная лампа Алладина» и мелодрама «Дочь гусара», где играли молодые тогда еще, в будущем великие русские актеры Александр Павлович Ленский и Анна Петровна Сорокина. Кэрролл, несмотря на самое начало их карьеры (Ленскому было 20 лет, и только два года он играл на сцене), увидел и отметил незаурядность их таланта. Затем путешественники вернутся в Москву и отправятся на родину.

Свое путешествие в Россию Кэрролл будет вспоминать до конца жизни. Много лет спустя в одном из писем 1890 года он напишет: «Москва была самым замечательным из того, что я когда-либо видел» (с. 7).

Русский дневник Кэрролла помогает нам его глазами увидеть Россию прошлого, осознать значимость проблем, сохраняющихся и в современности (социальные контрасты, дороги, обслуживание, слабое знание иностранных языков). Конечно, за полтора прошедших века многое изменилось, но основания для самокритичности, как и для осознания тех богатств и возможностей, которыми страна обладает, остаются. И, конечно, в душе живет благодарность Кэрроллу за его интерес, доброжелательность, благодарную память об увиденном в России. Эту доброжелательность и благодушие не мешало бы и современным англичанам и европейцам извлечь из текста английского классика.

Заметим, однако, что сам Льюис Кэрролл при жизни свой «Русский дневник» не печатал, замечая на страницах дневника, что делает свои записи «для памяти». Оригинал «Русского дневника» Льюиса в настоящее время хранится в Принстонском университете США, благодаря тому, что был в свое время выкуплен американским коллекционером Дж.Ф. МакДермоттом, который и осуществил в 1928 первую публикацию рукописи³. Однако в этом издании было немало погрешностей, неточностей. Тщательно выверенный текст «Русского дневника» появился сравнительно поздно, в 1999 году. В подготовке его участвовала и Н.М. Демурова⁴. Подготовленное ею русское издание обогащено предисловием исследователя, ее комментариями и обильным включением исторических фотографий самого разного плана: исторических персоналий, городских панорам, архитектурных памятников, жанровых сцен и т.д. Тщательно подобранный иллюстративный материал, как и текст «Русского дневника» Льюиса Кэрролла, представляет несомненный интерес как для читателя, так и для исследователя, занимающегося проблемами имагологии⁵, в частности изучением образа России в других культурах, в том числе

---

³ Carroll L. The Russian Journal and Other Selections from the Works of Lewis Carroll / ed. and with an introduction by J. Francis McDermott. N.Y.: T.P. Dutton and Co. Inc., 1935.

⁴ Lewis Carroll's Diaries. The Private Journals of Charles Lutwidge Dodgson / ed. by E. Wakeling. September 1864 to January 1868. The Lewis Carroll Society Luton. Beds., 1999.

⁵ Имагология — междисциплинарное направление в современной гуманитарной науке, изучающее образ одной страны в культуре другой. Большое значение в формировании имагологического образа это направление придает литературным текстам. В России имагология получила активное развитие в XXI веке.

в культуре английской. «Дневник путешествия в Россию в 1867 году» Льюиса Кэрролла добавляет яркие черты к образу самого писателя. Н.М. Демурова, в частности, замечает, что страницы дневниковых записей позволяют нам «заглянуть в душу автора»⁶, убедиться в его непредвзятости, открытости, доброжелательности, искреннем интересе к чужой культуре и желании ее понять.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демурова, Н.М. Предисловие [Текст] // Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году / пер. с англ. ; коммент. и предисл. Н.М. Демуровой. — М. : Студия 4+4, 2014. — С. 13.
2. Кэрролл, Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году [Текст] / пер. с англ. ; коммент. и предисл. Н.М. Демуровой. — М. : Студия 4+4, 2014. — 128 с.
3. Carroll, L. The Russian Journal and Other Selections from the Works of Lewis Carroll [Text] / ed. and with an introduction by John Francis McDermott. — N.Y. : T.P. Dutton and Co. Inc., 1935.
4. Lewis Carroll's Diaries. The Private Journals of Charles Lutwidge Dodgson [Текст] / ed. By E. Wakeling. September 1864 to January 1868. The Lewis Carroll Society Luton. Beds., 1999.

REFERENCES

1. Demurova, N.M. Predislovie [Text] // Kerroll Lyuis. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu / per. s angl. ; komment. i predisl. N.M. Demurovoy. — M. : Studiya 4 4, 2014. — S. 13.
2. Carroll, L. The Russian Journal and Other Selections from the Works of Lewis Carroll [Text] / ed. and with an introduction by John Francis McDermott. T.P. Dutton and Co. Inc. N.Y., 1935.
3. Kerroll, L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu [Text] / per. s angl. ; komment. I predisl. N.M. Demurovoy. — M. : Studiya 4+4, 2014. — 128 s.
4. Lewis Carroll's Diaries. The Private Journals of Charles Lutwidge Dodgson. September 1864 to January 1868 / ed. by E. Wakeling ; The Lewis Carroll Society Luton. — Beds., 1999.

M.I. Nikola

LEWIS CARROLL ABOUT HIS TRAVELLING TO RUSSIA (BASED ON THE WRITER'S DIARY OF 1867)

The article examines the diary kept by Lewis Carroll during his trip to Russia in 1867. Lewis Carroll travelled together with his friend and colleague Henry Lindon.

They shared a common interest in nature, art and travelling. The diary entries enable us to trace their journey. They visited St. Petersburg, Moscow, Nizhny Novgorod. Visits to cathedrals, convents and monasteries, meeting hierarchs of Russian Orthodox Church were special points of interest for Carroll and his companion. Being both in the holy orders they tried to facilitate the communication between Anglican and Russian Churches.

Carroll is interested in different aspects of life in Russia. He visits museums and theatres in Moscow, St. Petersburg and Nizhny Novgorod, goes to Peterhof, Kronstadt, New Jerusalem, admires Russian countryside.

In his diary Carroll gives a very high assessment of the Russian art collections and architecture, the performance of Russian actors. He describes his impressions of Russian people, their customs and habits.

Carroll pays special attention to the life of Russian children. He visits an orphanage in Moscow and shares compassion on those children, who suffer from poverty and disease.

Carroll's observations, thoughts and ideas enable us to understand his personality more deeply. His diary once again shows Carroll's humanistic and benevolent nature, his genuine interest in other cultures which finds its expression in his writings.

Diary, estimations, impressions, Lewis Carroll, travelling to Russia in 1867, trip's motives.

---

⁶ Демурова Н.М. Предисловие // Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году. С. 13.